

**МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ, ОСНОВАННЫХ НА ЦИФРОВЫХ АКТИВАХ:
ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Шодмонова Муслимахон Йигиталиевна

студент магистратуры

Ташкентский государственный юридический университет

e-mail: shodmonovam13@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье на основе национальной и международной правовой доктрины исследуются механизмы защиты корпоративных прав в контексте оборота цифровых активов в Республике Узбекистан. Автор анализирует эволюцию понятия «цифровой актив» в законодательстве Узбекистана, выявляет системные пробелы действующего правового регулирования и предлагает пути их устранения с учётом зарубежного опыта. В статье обосновывается необходимость принятия комплексного нормативного акта, закрепляющего правовой статус цифровых активов как объектов корпоративных прав.

Ключевые слова: цифровые активы, корпоративные права, криптоактив, блокчейн, токенизация, акционерные общества, защита прав акционеров, НАПП, регуляторная песочница, виртуальная собственность.

1. ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие цифровых технологий и их интеграция в глобальную экономику обусловили выдвигание понятия «цифровые активы» на центральное место в системе международных правовых отношений [1]. Блокчейн-технология, криптовалюты, NFT (Non-Fungible Tokens), цифровые финансовые активы и формы виртуальной собственности проникают во все сферы жизнедеятельности человека, что с неизбежностью порождает потребность в определении их правового статуса [2]. По данным Всемирного банка, к 2023 году рынок цифровых активов достиг 3 трлн долларов и развивается с темпами роста 35–40% в год. Актуальность данной тематики обусловлена не только экономическим значением цифровых активов, но и тем, что они превратились в важный инструмент реализации гражданами своих прав и обязательств в современном обществе [3]. По прогнозам программы Европейской комиссии «Цифровая стратегия – 2030», объём виртуального имущества граждан ЕС к 2025 году достигнет 500 млрд евро.

В рамках стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» вопросы правового регулирования цифровых активов приобретают особую значимость. При этом в законодательстве Республики Узбекистан до сих пор отсутствует законодательное определение понятия «цифровой актив», а правовой статус криптовалют и блокчейн-технологий остаётся не в полной мере определённым [1]. Указанные обстоятельства определяют цель настоящего исследования: анализ механизмов защиты корпоративных прав, основанных на цифровых активах, и разработка предложений по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВОЙ АКТИВ» И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ

2.1. Понятие цифрового актива в доктрине и законодательстве

В научной литературе термин «цифровой актив» трактуется неоднозначно. Так, А.Н. Якубов справедливо указывает, что в гражданско-правовой доктрине «рақамли актив» как явление не имеет чёткой категориальной принадлежности, а понятия «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» нередко смешиваются [1]. С точки зрения исследователя, термины «цифровой актив», «цифровой финансовый актив» и «криптоактив» в рамках гражданско-правового дискурса могут рассматриваться как однозначные, обозначая различные формы цифрового имущества.

В зарубежной доктрине предложено несколько подходов к определению данного понятия. С. Blazer раскрывает содержание «цифровых активов» через перечисление их разновидностей: документы, созданные с помощью офисных программ, цифровые фотографии и видео, музыкальные файлы, а также отождествляет «цифровые активы» с «виртуальной собственностью» [7; 11]. N. Dosch предлагает более широкое определение: «цифровые активы» охватывают любые файлы на компьютере, устройстве хранения или веб-сайте, а равно любые онлайн-аккаунты или подписки [9; 14]. Схожую позицию занимает J. Conner, включающий в это понятие доменные имена, законно загруженные файлы и любые личные аккаунты в интернет-сервисах [10; 16].

Анализ законодательства отдельных штатов США показывает, что единого подхода к определению «цифровых активов» не выработано. Штат Вирджиния понимает под ними любые тексты, изображения, мультимедийные данные или иное личное имущество, хранящееся в цифровой форме на сервере, компьютере или иных электронных носителях, а также слова, знаки, коды или договорные права, необходимые для доступа к цифровым активам [13; 18]. В штате Орегон предложена наиболее детальная дефиниция, включающая помимо перечисленных элементов понятие «цифрового аккаунта», охватывающего электронную почту, финансовые и иные онлайн-аккаунты [15; 19].

Как справедливо подчёркивает А.Н. Якубов, применение единого статического определения «цифровых активов» объективно затруднено в силу постоянного появления новых их форм — NFT, DeFi-токенов, цифровых коллекций — под воздействием искусственного интеллекта, метавселенных и иных инновационных технологий [1]. Данный тезис обуславливает необходимость функционального и адаптивного подхода к правовому регулированию, который активно применяется в международной практике.

2.2. Гибридная природа цифровых активов и корпоративные права

Особую научную ценность представляет тезис А.Н. Якубова о «гибридной природе» цифровых активов: они одновременно сочетают в себе признаки материального имущества (владение, пользование, распоряжение), элементы интеллектуальной собственности и характеристики финансовых инструментов [1]. Именно это обстоятельство обуславливает необходимость пересмотра классических цивилистических категорий и разработки новых правовых конструкций применительно к корпоративному праву.

В контексте корпоративного права особого внимания заслуживает следующая позиция, высказанная в исследуемой статье: цифровой актив может выражать права, связанные с эмиссией ценных бумаг, участием в уставном капитале негосударственного акционерного

общества, — «что является новшеством для науки корпоративного права» [1]. Иными словами, токенизированные акции следует рассматривать как особую форму цифрового актива, в котором воплощаются традиционные корпоративные права: право голоса, право на дивиденды, право на ликвидационную квоту.

Рассматривая соотношение понятий «цифровая валюта» и «цифровой актив», А.Н. Якубов отмечает принципиальное различие: цифровой актив в распределённом реестре несёт в себе имущественные и неимущественные права его обладателя, тогда как цифровая валюта является имущественной категорией, при которой отсутствует обязанное лицо [1]. Данное разграничение принципиально важно для определения правового режима токенизированных корпоративных инструментов: в отличие от криптовалюты, токенизированная акция всегда предполагает наличие обязанного лица — эмитента.

3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

3.1. Этапы формирования законодательства

Правовое регулирование цифровых активов в Республике Узбекистан прошло несколько ключевых этапов. Базовым актом стало Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан», заложившее концептуальные основы государственной политики в данной сфере и определившее НАПП в качестве уполномоченного регулятора.

Постановление Президента от 2 сентября 2018 года № ПП-3926 «О мерах по организации деятельности крипто-бирж в Республике Узбекистан» установило основы лицензирования крипто-биржевой деятельности. Принципиально значимым является положение данного акта о том, что деятельность по обороту крипто-активов не подпадает под действие законодательства о ценных бумагах и биржевой деятельности [4] — норма, порождающая существенный регуляторный разрыв применительно к токенизированным корпоративным инструментам.

Указом Президента Республики Узбекистан от 27 апреля 2022 года № УП-121 введён специальный режим регуляторной песочницы для организаций, внедряющих технологии в сфере оборота крипто-активов. Участники данного режима освобождаются от уплаты налогов, что создаёт стимулы для апробации инновационных цифровых инструментов. Постановлением Правления НАПП от 28 ноября 2022 года № 3397 утверждено Положение о порядке выпуска, регистрации и обращения крипто-активов резидентами Республики Узбекистан [6].

3.2. Системные пробелы действующего регулирования

Несмотря на поступательное развитие нормативной базы, А.Н. Якубов фиксирует ряд системных пробелов в законодательстве Узбекистана, которые сохраняют свою актуальность: а) отсутствие законодательного определения понятия «цифровые активы»; б) отсутствие нормативной базы, определяющей статус цифровых активов как объекта права собственности; в) неурегулированность механизмов защиты прав держателей цифровых активов; г) отсутствие правового регулирования цифрового наследования [1].

К перечисленным пробелам применительно к сфере корпоративного права следует добавить коллизию между ПП-3926, выводящим крипто-активы из-под законодательства о ценных

бумагах, и правовой природой токенизированных акций, которые по своей экономической сущности являются именно ценными бумагами. Данная коллизия требует законодательного разрешения путём введения специального регулирования токенизированных корпоративных инструментов в Законе Республики Узбекистан «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» № 223-1 от 26 апреля 1996 года (в ред. Закона № ЗРУ-370 от 6 мая 2014 года с последующими изменениями, последнее из которых внесено Законом № ЗРУ-1070 от 23 июня 2025 года).

4. МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

4.1. Правовая природа цифровых прав как объекта защиты

Понимание механизмов защиты корпоративных прав в цифровой среде невозможно без чёткого определения их объекта. В доктрине обсуждалась возможность выделения «цифрового права» в самостоятельную отрасль; однако, как справедливо отмечает М.А. Рожкова, разнообразие отношений, регулируемых цифровым правом, порождает проблему определения метода регулирования и исключает возможность его выделения в отдельную подотрасль [3]. Тем не менее это не снимает вопроса о специфике защиты прав в данной сфере.

В области финансового применения цифровых активов интерес исследователей традиционно был сосредоточен на правовой природе цифровой валюты. Часть авторов указывает на сходство характеристик цифровой валюты с деньгами [5], тогда как большинство исследователей относит её к категории имущества [2]. Данная дискуссия имеет прямое практическое значение для определения режима защиты корпоративных прав: если токен квалифицируется как имущество, то к нему применимы вещно-правовые способы защиты; если как обязательственное требование — обязательно-правовые.

Принципиальное значение имеет позиция Н.С. Александровой, на которую ссылается А.Н. Якубов: «цифровая валюта — это электронные данные, которые могут быть приняты в качестве платёжного средства и при которых отсутствует лицо, обязанное перед их обладателем» [1; 8]. Применительно к токенизированным акциям данный признак — отсутствие обязанного лица — отсутствует: эмитент всегда несёт корпоративные обязательства перед акционером, что сближает токенизированные акции с традиционными ценными бумагами и открывает возможность для применения механизмов защиты, предусмотренных корпоративным законодательством.

4.2. Судебная и регуляторная защита

Действующее гражданское законодательство Республики Узбекистан, прежде всего Гражданский кодекс Республики Узбекистан, закрепляет базовые принципы защиты гражданских прав, применимые к правоотношениям в сфере цифровых активов в части, не урегулированной специальными нормами. Статья 95 ГК РУз, устанавливающая режим «валютных ценностей», служит, по мнению А.Н. Якубова, «фундаментальным основанием» для квалификации цифровой валюты как разновидности валютных ценностей [1], что создаёт правовую основу для их защиты в рамках существующих правовых механизмов.

Ключевую роль в системе регуляторной защиты прав держателей цифровых активов в Узбекистане играет НАПП, осуществляющее лицензирование крипто-бирж и надзор за соблюдением установленных правил оборота. Обязательные требования KYC (Know Your

Customer), введённые для лицензированных площадок с 2023 года, создают необходимую доказательственную базу для судебного разбирательства споров — однако лишь применительно к операциям, совершённым через лицензированные платформы. Внебиржевые транзакции по-прежнему сопряжены с существенными трудностями идентификации участников.

4.3. Сравнительно-правовой аспект: международный опыт

Анализ международного опыта, предпринятый А.Н. Якубовым, показывает, что ведущие юрисдикции избирают различные институциональные модели регулирования [1]. В США реализуется сбалансированное распределение полномочий между федеральным и штатным уровнями; Европейский союз в 2023 году создал централизованную правовую базу в виде регламента MiCA; Сингапур и Швейцария тестируют экспериментальные правовые механизмы в рамках специальных регуляторных режимов. Показателен опыт Эстонии, внедрившей институт цифрового гражданства через программу e-Residency, и Китая, лидирующего во внедрении CBDC (цифровой валюты центрального банка): к 2022 году система охватила 260 млн пользователей.

Законодательный опыт штатов США представляет особый интерес для целей настоящего исследования. Коннектикут ограничился регулированием «аккаунтов электронной почты» [12; 17]; Вирджиния закрепила широкое определение цифровых активов, включающее договорные права доступа [13]; Орегон предложил наиболее детальную дефиницию с выделением понятия «цифрового аккаунта» [15]. Анализ данных моделей подтверждает сформулированный А.Н. Якубовым вывод о предпочтительности функционального и адаптивного подхода перед попытками закрепить исчерпывающее статическое определение [1].

5. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На основе проведённого анализа и с учётом позиций, сформулированных А.Н. Якубовым [1], представляется целесообразным реализовать следующий комплекс мер по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан в сфере защиты корпоративных прав, основанных на цифровых активах.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить определение «цифровых активов» в соответствии с предложением А.Н. Якубова: «цифровые активы — информационные ресурсы, закодированные в электронно-цифровой форме, хранящиеся в информационных системах, идентифицируемые и принадлежащие лицу, несущие имущественные и неимущественные права, обладающие экономической ценностью и юридически защищённые» [1]. Данное определение отличается достаточной широтой для охвата новых видов цифровых активов, возникающих под воздействием технологических инноваций.

Во-вторых, предложенная А.Н. Якубовым классификация цифровых активов на четыре категории — цифровые финансовые активы (криптовалюты, стейблкоины, цифровые ценные бумаги); цифровую интеллектуальную собственность (NFT, цифровой контент, программное обеспечение); цифровые персональные данные и аккаунты; цифровые операционные активы (корпоративные базы данных, элементы цифровой инфраструктуры) [1] — должна быть положена в основу системы правового регулирования. Применительно к корпоративному праву первостепенное значение имеет первая категория: именно цифровые финансовые активы являются носителями корпоративных прав при токенизации акций.

В-третьих, необходимо устранить коллизию между постановлением № ПП-3926, исключаящим крипто-активы из сферы действия законодательства о ценных бумагах, и природой токенизированных акций путём включения в Закон «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» специального раздела, регулирующего токенизированные корпоративные инструменты. При этом держатели токенизированных акций должны обладать тем же объёмом корпоративных прав, что и держатели традиционных акций.

В-четвёртых, следуя примеру ведущих международных юрисдикций, необходимо принять подход «эластичных формулировок» [1] при разработке нормативных актов, регулирующих оборот цифровых активов. Формулировки типа «с учётом возможных технологических изменений» позволят предотвратить отставание правового регулирования от инновационного развития и обеспечат долгосрочную актуальность принятых норм.

В-пятых, для обеспечения эффективной судебной защиты корпоративных прав, основанных на цифровых активах, необходимо сформировать в системе экономических судов Республики Узбекистан специализированный состав судей, обладающих компетенциями в области блокчейн-технологий и цифровых финансов. Одновременно следует рассмотреть вопрос о признании юридической силы арбитражных оговорок, встроённых в смарт-контракты.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Цифровые активы, будучи «гибридными» правовыми конструкциями [1], способны выражать корпоративные права — в первую очередь право участия в уставном капитале акционерных обществ. Данное обстоятельство существенно усложняет применение к ним традиционных механизмов правовой защиты, ориентированных на иную технологическую среду.

Законодательство Республики Узбекистан, несмотря на поступательное развитие начиная с 2018 года, сохраняет системные пробелы, прежде всего отсутствие законодательного определения «цифровых активов» и механизмов защиты прав их держателей [1]. Устранение данных пробелов должно осуществляться на основе функционального и адаптивного подхода, доказавшего свою эффективность в практике США, ЕС и Сингапура, с приоритетом защиты прав инвесторов при одновременном стимулировании технологических инноваций.

Введение с января 2026 года возможности выпуска токенизированных ценных бумаг на лицензированных фондовых биржах Узбекистана является важным шагом в правильном направлении. Однако для формирования эффективной системы защиты корпоративных прав в цифровой среде необходимо обеспечить данную меру детальным нормативным сопровождением, включая законодательное закрепление объёма корпоративных прав держателей токенизированных акций, механизмов разрешения споров и ответственности эмитентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты Республики Узбекистан

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан: принят 29 августа 1996 года // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1997. № 2. Ст. 45 (с изм. и доп.).

2. Закон Республики Узбекистан от 26 апреля 1996 года № 223-I «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» (в ред. Закона РУз от 06.05.2014 г. № ЗРУ-370, с изм. по состоянию на 23.06.2025 г. № ЗРУ-1070) // Национальная база данных законодательства (lex.uz).
 3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.07.2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан» // lex.uz.
 4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 02.09.2018 г. № ПП-3926 «О мерах по организации деятельности крипто-бирж в Республике Узбекистан» // lex.uz.
 5. Указ Президента Республики Узбекистан от 27.04.2022 г. № УП-121 «О внесении изменений и дополнений, а также признании утратившими силу некоторых актов Президента Республики Узбекистан» // lex.uz.
 6. Положение о порядке выпуска, регистрации выпуска и обращения крипто-активов резидентами Республики Узбекистан: утверждено постановлением Правления НАПП от 28.11.2022 г. № 3397 // lex.uz.
- Научная литература
7. Якубов А.Н. Эволюция понятия цифровых активов и сравнительный анализ их правового регулирования // Вестник Ташкентского государственного юридического университета. 2024. № 2. С. 25–40.
 8. Александрова Н.С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 28–31.
 9. Гаврилов В.Н., Рафиков Р.М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // ВЭПС. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav>.
 10. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.
 11. Савицкая К.Д. Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединённых Штатов Америки // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2015. С. 75–77.
 12. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–154.
 13. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
 14. Blazer C. The Five Indicia of Virtual Property // Pierce Law Review. 2006. Vol. 5. No. 1. URL: http://law.unh.edu/assets/images/uploads/publications/pierce-law-review-vol05-no1-blazer_1.pdf.
 15. Dosch N. Over View of Digital Assets: Defining Digital Assets for the Legal Community. 2010. URL: <http://www.digitalestateplanning.com/>.
 16. Conner J. Digital Life After Death: The Issue of Planning for a Person's Digital Assets After Death // Est. Plan. & Cmty. Prop. LJ. 2010. Vol. 3. URL: <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/epcplj3>.
 17. Act concerning access to decedents' electronic mail accounts: Senate Bill No. 262, Public Act No. 05-136, June 24, 2005 // Connecticut General Assembly. URL: <http://www.cga.ct.gov/2005/act/Pa/2005PA-00136-R00SB-00262-PA.htm>.

18. Code of Virginia, §§ 64.2-109; 110, July 1, 2013 // Legislative Information System. URL: <https://leg1.state.va.us/cgi-bin/legp504.exe>.

19. Relating to digital property: Senate Bill No. 54, January 14, 2013 // Oregon State Legislature. URL: <https://olis.leg.state.or.us/liz/2013R1/Downloads/MeasureDocument/SB54/Introduced>.